

Григорий Горин:

Москва стала городом

богатых людей

Каме. провизн. - 1998. -
27 апреля. - с. 7.

Если японцы нападут на Курилы, писатель Григорий Горин не пойдет воевать. Курилы - это слишком далеко и непонятно. Но если японцы попрут на Москву, он тут же вступит в народное ополчение. Потому что Москва для него - это и есть Родина

Я родился в Лефортове

Мы жили в полуподвале. Окна комнаты были чуть выше асфальта. Из окна я смотрел на Москву снизу вверх, с почтением, как и положено в детстве. Помню, как в День Победы ликующий народ впрыгивал к нам в окна. А те, что были в доме, наоборот, с криком: «Победа, победа!» вылезали на улицу. До двери бежать было слишком далеко.

Весна, такая, как теперь, была особым временем. Рядом с домом стоял ресторан. Люди выходили оттуда навеселе, размахивали пальто, а из карманов все падало в снег. Мы ждали, когда стает снег и мы пойдем, как золотоискатели, на промыслы. Весной земля превращалась в скатерть-самобранку.

Иногда всплывают такие неожиданные воспоминания детства, которые сегодня трудно и понять, и оценить. Например, соседского мальчика, Петьку Гладкова, мы звали японцем. Его отца арестовали как японского шпиона. И мы на полном серьезе считали, что Петька Гладков настоящий японец.

Лефортовские дворы славились своей семейностью и интернациональностью. Не случайно этот район носил имя голландца. А военный госпиталь, где работал мой отец, строили немцы. Жило много татар, которые были прекрасными дворниками и старьевщиками. Не было никакого шовинизма. Мой сосед по парте, Мишка Имамметдинов, был из крепкой татарской шпаны. Поэтому никто в округе меня не трогал, боялись Мишку.

Тогда все пацаны, и я в том числе, носили кепку-букле. Но если ты был всего лишь приклатненным, а не блатным, тогда «сымай кепку». Кстати, сейчас в Театре Розовского играют спектакль «Песни нашего двора». Артисты надевают такие же кепки-букле, как мы носили в детстве, и поют песни, которые пели мы: «В нашу гавань заходили корабли», «У ней такая маленькая грудь»...

Из Лефортова в Кузьминки

Вместо лефортовской коммуналки нам дали квартиру в Кузьминках. Типичная «хрущоба». Напротив дома и слева от него, и сбоку стояли такие же блочные пятиэтажки. Москва мне перестала нравиться. Это был серый, унылый, некрасивый город, который я не люблю до сих пор.

Я выезжал в город и чувствовал, что приехал с периферии. Если вечером - в театр, а утром - дела, днем нужно было где-то отсидеться. И тогда звонил знакомым: «Вы чего делаете?» А они спрашивают: «А ты чего хочешь?» И я придумывал какие-то немислимые истории, лишь бы меня приютили.

Когда я проезжаю мимо Кузьминок, я до сих пор сочув-

ствую и себе, и тем, кто теперь там живет. Не пить там было невозможно, потому что больше делать нечего. Это сказывалось на семейных отношениях, на детях. Я работал врачом «скорой помощи» и знал жизнь района, что называется, изнутри. Достаточно было войти в любой подъезд, и все становилось понятно. Наши подъезды вообще уникальная вещь, тако-

Москва живет своей стихией. Управлять ею не может никто, даже мэр города.

го нигде нет в мире. Иммигранты долго не могли привыкнуть к заграничной жизни. Чего-то не хватало. А потом поняли: не хватало запаха мочи в подъезде.

Я переехал на Тверскую

Я мечтал жить в центре. И наконец произошло радостное событие. Я переехал в дом с окнами на Елисеевский магазин. Наш дом, Тверская, 17, назывался «домом под юбкой». На крыше дома, приподняв ножку, стояла балерина.

В нем жила масса интересных людей. Когда мы вселились, расставлять мебель нам помогала Мария Марецкая, дочь знаменитой актрисы Веры Марецкой. Мы с ней советовались, как делать ремонт, какие клеить обои. «Не надо обоев, - ошеломила нас Маша. - Покрасьте стены краской». Для нас с женой это было неслыханным открытием. Как же так можно без обоев?.. А соседка продолжала нас удивлять: «Очень стыдно в доме с высокими потолками ставить такую кушетку»... У меня с юности осталась кушетка, обитая светлым пластиком «радостью студента».

На чердаке нашего дома была смотровая площадка КГБ. Иногда в лифте мы встречали ребят в одинаковых серых костюмах. «Вам куда?» - спрашивали мы. А они повторяли одну

и ту же фразу: «Нам выше. Вы себе нажимайте». Во время демонстраций они с чердака наблюдали обстановку в городе. Однажды чекисты ворвались к нам в квартиру: «Где окно на улицу Горького?». Оказалось, было покушение на делегата съезда КПСС. Мы с женой встревожились: что, кого?.. А они объяснили: «Да стаканом из окна шарахнули».

Жизнь в центре - это особое состояние. Правда, для этого нужны здоровье и крепкие нервы, потому что энергия и темп снующих толп проникают сквозь стены. Особенно когда очереди в магазин стояли

на улице. В Елисеевском давали колбасу, а в нашем доме - конфеты. Когда бы я ни возвращался домой, очередь тянулась до самого подземного перехода. Наш дом вибрировал от ее биологических полей. Я физически ощущал эту энергию. Но у меня было преимущество - мог небрежно пройти мимо, а знакомый продавец совал мне коробку конфет, обезоруживая всех стоящих в очереди аргументом: «Люди здесь живут, а не могут купить себе коробочку конфет». И никто не возражал, потому что они были приезжими, а я человеком центра, значит, хозяином города. И теперь знакомые звонили мне: «Гриша, ты чего делаешь?». Тем более напротив был ресторан ВТО. Когда друзья оттуда возвращались, а у нас еще горел свет, они звонили из ресторана: «Гриша, есть гениальная идея»... И эта гениальная идея растягивалась до полуночи.

Я полюбил Москву вновь. К хорошему быстро привыкаешь.

Но однажды кафе «Северное», над которым была моя квартира, переделали в ночной клуб. Жить стало невозможно. Ко мне приходило московское правительство слушать музыку «из подполья». Они шумно возмущались, что в жилом доме

работает ночной клуб, но ничего не менялось. Я понял, что плетью обуха не перешибешь и я положу остаток жизни на борьбу с новой Москвой. Гавриил Попов, который был мэром, довольно цинично сказал: «Горин пишет пьесы и получает за это деньги. И Москве тоже надо получать деньги. А писателю нечего делать в центре города». «Макдоналдс» превратился в более значимую фигуру, чем памятник Пушкину.

Когда сторел Дом актера (с его директором я переглядывался в окно), я решил с Тверской уезжать. В Доме актера собирались отмечать мое пятидесятилетие. Но вместо юбилея я увидел, как молодость уходит с огнем. Я перебрался в более тихий район.

Теперь из моего окна видны двор, где гуляют собаки, школа и поликлиника, куда приходится ходить все чаще. Это писательский район рядом с метро «Аэропорт». С улицы я узнаю, где живут «новые русские», а где старые. У «новых» - другие рамы и кондиционеры на окнах. И я вынужден согласиться с Гавриилом Поповым, что Москва стала городом богатых людей. Евразийским Нью-Йорком...

Я жил в разных районах. И все равно Москву объять невозможно ни с высоты птичьего полета, ни из подвала «хрущобы».

Монолог записала
Анастасия ПЛЕШАКОВА.